

О. Н. Мельникова

г. Гомель, ГГУ им. Ф. Скорины

ДОЛГ И ОБЯЗАННОСТЬ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Русский язык, как и любой другой естественный язык, отражает определенный способ восприятия мира. Совокупность представлений о мире, заключенных в значении разных слов и выражений русского языка, складывается в некую единую систему взглядов и предписаний, которая в той или иной степени разделяется всеми говорящими по-русски.

Понятие долженствования занимает одно из центральных мест в русской языковой картине мира. Предметом рассмотрения в данной работе является языковая интерпретация лексем *долг* и *обязанность*.

За словом *долг* исторически закрепилось два значения, одно из которых раскрывает материально-предметные отношения между людьми ('взятое займы'); другое представлено через значение слова *обязанность*. Анализ внутренней формы соответствующих лексем и особенностей их функционирования в русском языке позволяет говорить о том, что за словами *долг* и *обязанность* стоят разные представления.

Во внутренней форме слова *долг* выявляется связь с пространственно-временными представлениями. По мнению большинства этимологов, наиболее вероятной представляется гипотеза о связи праславянского существительного **dьlgъ* 'долг' с прилагательным **dьlgъ* 'длинный, долгий' [1, вып. 5, с. 180]; таким образом, предполагается, что в понятие долга включалось представление о сроке. А.Г. Преображенский, указывая на то, что *долг* и *долгий* 'longus' – одно и то же слово, отмечает: долг – это то, чего ждут, выдерживают, терпят; сравн.: лат. *indulgeo* 'быть снисходительным' (первоначально: 'быть великодушным, долготерпеливым к чему-либо') [2, т. 1, с. 188–189]. Показательны в этом отношении значения русск. диал. *задолжать* 'долго где-либо пробыть, замешкаться, опоздать, не прийти вовремя', 'долго продолжаться, затянуться' и 'брать в долг, быть должным' [3, вып. 10, с. 61].

Таким образом, в основе исходного значения слова *долг* лежит семантическая аналогия: протяженность, длительность пространственная и временная – постоянство, непреходящий характер моральной нормы, долга. Понятие долга, необходимости обнаруживает ассоциативную связь с понятием времени и пространства постольку, поскольку они характеризуются общностью восприятия. Время и пространство существуют здесь и везде, сейчас и всегда, объективно, независимо от чьего-либо сознания. При этом «человек относительно свободен в пространстве, но подчинён объективному ходу времени» [4, с. 126]. Моральные нормы также мыслятся как существующие изначально, они вечны, непреходящи. Долг рассматривается как аналог логической необходимости, выраженной в нравственных требованиях: *Не все должно, что можно*. Долгу человек *повинуется*, голос долга воспринимается как высшая инстанция, определяющая линию поведения человека. Велению долга подчиняются из внутренних побуждений, не преследуя какой-либо цели. По наблюдениям Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, реконструирующих представление о долге на основе употребления соответствующего существительного в русском языке, «долгом нельзя кого-либо *обременить*, его нельзя *принять на себя*, как обязательства. Долг можно в какой-то момент *осознать*, можно *счесть* что-то своим долгом, но это предполагает, что долг существовал и ранее, хотя и не осознавался. Долг просто не может отсутствовать. Можно отрицать наличие конкретной обязанности, но относительно долга можно утверждать только, что он состоит не в этом, а в чем-то другом» [5, с. 19].

Таким образом, можно говорить о тесной связи модального значения долженствования с темпоральной семантикой. Ассоциативная связь этих значений обусловлена сходством в осмыслении времени и нравственной категории долга, которые мыслятся как объективно существующие, вечные, непреходящие. Эти особенности восприятия времени способствуют развитию модальной семы долженствования, необходимости, которая свойственна некоторым темпоральным лексемам и чаще реализуется в сочетании с инфинитивом, сравн. *время идти, не время сидеть сложа руки*. Семантика слова *пора* также отражает связь модального значения долженствования с представлениями о времени, сравн.: русск. *пора* 'время, благоприятное время, срок' и 'пришло время, настал срок, по времени или по обстоятельствам': *пора задуматься*.

Внутренняя форма слова *обязанность* отражает иные представления. Языковой материал свидетельствует о связи значения долженствования, необходимости, выражаемого данной лексемой, с комплексом представлений о стеснении, ограничении свободы действия.

Так, глагол *обязать*, отражающий семантику долженствования ('вменить кому-либо в обязанность, предписать, сделать обязательным исполнение чего-либо' [6, т. 2, с. 796]), по происхождению обнаруживает связь с глаголом *вязать* [2, т. 1, с. 634; 7, т. 3, с. 112], сравн. др.-русск. *обязати* 'привязать', 'обвить', 'сделать перевязку' [8, т. 2, с. 591], русск. диал. *обязать, обязывать* 'заставлять или нудить, принуждать, приневоливать, налагать долг, бремя, службу, работу, образ действий': *Служба обязывает, связывает, неволит*; церковн. *обязало* 'повязка, перевязка', стар. *обязь* 'перевязь через плечо для оружия' [9, т. 2, с. 640]. Зафиксированы также лексем с этимологически не затемнённой корневой морфемой: русск. диал. *обвязать* 'завязать' и 'обязать', *обвязаться* 'дать обязательство', 'обзавестись чем-либо', 'быть стеснённым какими-либо обязанностями': *Я с детьми обвязалась; когда же мне?; обязанность* 'обязанность', *обязательно* 'обязательно' [3, вып. 22, с. 12–13]. Очевидно, что в структуре значения данных слов важную роль играет приставка, реализующая сему полноты охвата, а именно

‘направленность действия по окружности, вокруг предмета, распределение действия на всю поверхность предмета, на все его стороны’ (сравн.: *обвить*, *обгородить*, *облепить* и др.) [6, т. 2, с. 708–709], т. е. значение приставки отчасти дублирует и таким образом усиливает исходную семантику рассматриваемых лексем.

Производящее *вязать* восходит к и.-е. **angh-* ‘суживать, стягивать’; к этому же корню относятся др.-инд. *ámhas* ‘стеснение, нужда’, лат. *ango* ‘суживаю, стягиваю, давлю’, греч. *αγγω* ‘завязываю’ [2, т. 1, с. 110–111; 7, т. 1, с. 374]; таким образом, семантика, отражающая физическое стеснение, ограничение свободы движения, является исторически первичной.

На базе прямого значения ‘связывать кого-либо; связывать кому-либо руки, ноги, лишая свободы движений’ глагол *вязать* развивает переносную семантику ‘стеснять, лишая самостоятельности’ [6, т. 1, с. 390]. В семантической структуре ряда производных с первоначальной семой ‘вязать’ также отчётливо наблюдается вторичная сема ‘лишить возможности действовать свободно’: русск. *навязать* ‘заставить, принудить принять что-либо против желания, против воли’ [6, т. 2, с. 336], *привязать* ‘заставить, вынудить постоянно быть, находиться где-либо’, ‘внушить привязанности, заставить привязаться’ [6, т. 3, с. 399], *связать* ‘лишить возможности действовать свободно, стеснив какими-либо условиями, обязательствами’ [6, т. 4, с. 57]; сравн. также русск. стар. *связь* ‘обязательство, долг’, *связа* ‘преграда, помеха’, ‘духовное запрещение’ [9, т. 4, с. 160].

Вероятно, не только влиянием первичного значения ‘связать, вследствие чего ограничить движения’, но и возникшего на его основе переносного ‘лишить возможности действовать свободно’ обусловлено развитие модального значения ‘заставить в обязательном порядке сделать что-либо, вменить в обязанность’.

Значение слова *обязанность* обычно трактуется как ‘то, что входит в круг обязательных действий, поступков кого-либо согласно общественным требованиям или внутреннему побуждению; долг’ [6, т. 2, с. 795–796]. Однако, различия в языковом поведении слов *долг* и *обязанность*, как кажется, могут служить свидетельством различий стоящих за ними представлений, реконструируемых в процессе выявления внутренней формы данных лексем. Прежде всего, отметим, что «*обязанность* – нечто условное, определяемое социальными конвенциями, связанное с местом в социальной структуре», в то время как «*долг* выражает безусловное долженствование, не предполагая посторонней утилитарной цели» [5, с. 17]. Человек становится носителем обязанности в результате специального акта *возложения* на него этой обязанности или *принятия* им этой обязанности, причём на человека могут возлагаться различные обязанности (слово *обязанность* свободно употребляется в форме множественного числа). Исполнение обязанностей *поручают* кому-либо, обязанности могут *распределяться* между разными людьми. При этом, если мы говорим, что человек делает что-то *по обязанности*, это часто означает ‘неохотно’: *Ты приезжаешь ко мне как по обязанности, не по сердечному внушению (Пушкин)*. Сравн.: *Для меня нет ничего тягостнее, ужаснее, как быть обязанным кому-либо (Белинский)*. Семантический оттенок нежелательности, который сопровождает употребление рассматриваемых лексем, связан с наличием компонента ‘ограничение свободы выбора’, свойственного исходному значению. По всей видимости, значение ‘стеснять, быть помехой, ограничивая свободу движения’, свойственное семантической структуре данных слов, определило метафорическое развитие модальной семантики необходимости/долженствования, часто сопровождающейся отрицательными коннотациями.

Таким образом, различия в языковом поведении слов *долг* и *обязанность* свидетельствуют о различии стоящих за данными лексемами представлений, которые реконструируются в процессе выявления их внутренней формы.

Концепт *долг* относится к области абстракции, стоит в одном ряду с нравственными концептами *совесть*, *честь*, *достоинство*. Долг понимается как совокупность принципов, предписывающих человеку действовать в соответствии с его внутренними установками, общественными, профессиональными, морально-этическими и национальными нормами. Долг – это не свод правил поведения, с которым может ознакомиться любой человек; это сугубо индивидуальное понимание, продиктованное самосознанием личности, его внутренним «Я», сложившееся в результате взаимоотношений с людьми, окружающей действительностью.

Под *обязанностью* же понимается круг действий, которые необходимо выполнять (*служебные обязанности*, *общественные обязанности* и т. п.); т. е. обязанность предполагает выполнение конкретных действий, которые обусловлены, как правило, родом занятий человека.

Исходные представления, лежащие в основе первичных значений рассмотренных слов, особенности их внутренней формы обуславливают коннотативные особенности вторичной модальной семантики данных лексем, их сочетаемостные возможности. Представление о долге как о моральной норме, существующей изначально, независимо от воли его носителя или посторонних лиц, способствует развитию модального значения долженствования на основе понятия времени. Долженствование, необходимость может восприниматься как нечто условное, как обстоятельство, которое стесняет, вынуждая поступать тем или иным образом; подобные ассоциации лежат в основе семантического перехода ‘стеснение, ограничение свободы действия’ → ‘необходимость’.

Список использованных источников

- 1 Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд / под ред. О. Н. Трубачёва. – М. : Наука, 1974–1999. – Вып. 1–26.
- 2 Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка : в 2 т. / А. Г. Преображенский. – М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1959. – Т. I–II.
- 3 Словарь русских народных говоров / под ред. Ф. П. Филина. – М.-Л. : Наука, 1965–1966. – Вып. 1–2 ; Л. : Наука, Ленингр. отд-е, 1968–1994. – Вып. 3–28.
- 4 Попович, М. В. Мироззрение древних славян / М. В. Попович. – Киев : Наукова думка, 1985. – 167 с.
- 5 Булыгина, Т. В. Концепт долга в поле долженствования / Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелёв // Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1991. – С. 14–21.
- 6 Словарь русского языка : в 4 т. / гл. ред. А. П. Евгеньева. – 3-е изд., стереотип. – М. : Русский язык, 1984–1988. – Т. I–IV.
- 7 Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / под ред. и с предисл. Б. А. Ларина ; пер с нем и доп. О. Н. Трубачёва. – 2-е изд., стереотип. – М. : Прогресс, 1986–1987. – Т. I–IV.
- 8 Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка : в 3 т. / И. И. Срезневский. – М. : Изд-во иностранных и национальных словарей, 1958. – Т. I–III.
- 9 Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. / В. И. Даль. – М. : Русский язык, 1989–1991. – Т. I, II, IV; 1982. – Т. III.